

События, развернувшиеся на собрании в императорской академии, вызвали небывалый резонанс и наделали в столице много шума. Шестой принц высказался предельно прямо и без обиняков, однако император не стал его отчитывать за дерзость. Напротив, он публично похвалил сына за искренность и прямоту.

С этого момента император приступил к самому тщательному и беспощадному расследованию дел коррумпированных чиновников. Императорские указы были оперативно разосланы, и вскоре соответствующие распоряжения поступили во все государственные ведомства.

В тот же самый день глава палаты по пересмотру уголовных дел, пребывая в крайнем волнении, поспешно покинул пределы дворца и направился напрямик в свое ведомство. Когда он наконец прибыл на место, секретный приказ парчовой гвардии уже лежал на его рабочем столе.

Едва его взгляд упал на список имен, содержащийся в приказе парчовой гвардии, глава ведомства почувствовал, как его прошиб холодный пот. В верхней части списка значились слишком хорошо знакомые ему фамилии, а если присмотреться, то к каждой из них прилагались неоспоримые и четкие доказательства...

- Господин, как нам следует поступить в данной ситуации? - с тревогой спросил один из чиновников палаты по пересмотру уголовных дел.

Глава палаты по пересмотру уголовных дел в сердцах воскликнул:

- А что тут еще можно сделать?! - раздраженно махнув рукой, он продолжил: - Раз имеются неоспоримые доказательства, немедленно приступайте к делу! Или вы всерьез полагаете, что парчовая гвардия будет приходить сюда и лично подгонять вас?!

Собрание, которое курировал Ху Бую из министерства обороны, еще можно было списать на коварные происки первого принца, однако внезапное появление парчовой гвардии на месте событий практически всё подтвердило. От того, каким образом император давал задания принцам, до прямолинейного и резкого выступления шестого принца на собрании - всё это, что на первый взгляд казалось естественным развитием событий, на деле было тщательно и детально спланировано.

Император уже давно вынашивал план по расправе с коррупционерами. Теперь же, когда

общественное мнение окончательно склонилось на его сторону, а в столице о взяточниках говорили даже больше, чем о предстоящих государственных экзаменах, секретные донесения и улики, имевшиеся у парчовой гвардии, стали идеальным поводом для нанесения сокрушительного удара.

Чиновники, которых так яростно обличали студенты на собрании в императорской академии, первыми оказались под ударом. Всевозможные темные дела префектуры Шуньтянь превратились в официальные жалобы студентов, в которых каждое преступление было разложено по полочкам. Как только доказательства по первой же жалобе были систематизированы, отряды парчовой гвардии, при поддержке палаты по пересмотру уголовных дел, в ту же самую ночь окружили дом префекта Шуньтянь.

Поднялся невообразимый шум, и уже к рассвету об этом происшествии знала вся столица, от низов до самых вершин власти.

Как только этот карающий меч был занесен, и гражданские, и военные чиновники при дворе с ужасом осознали: император перешел к решительным действиям. В самый ответственный момент, непосредственно перед весенними экзаменами, это, несомненно, застало всех врасплох.

Весь двор был потрясен до основания, а внутри партийных группировок поселились глубокие подозрения и взаимное недоверие.

Гражданские чиновники, принимавшие участие в собрании в императорской академии, теперь буквально обливались холодным потом, боясь, что этот беспощадный меч опустится и на их головы. Те, кто в обычное время поддерживал тесные связи с префектом Шуньтянь, спешно и с видимым рвением отрешивались от него. Бурные обсуждения налоговой экономии, которые велись во время подготовки к весенним экзаменам, внезапно прекратились, сменившись новыми интригами, в которых партийные группировки обменивались компроматом, чтобы нанести удар друг другу.

Однако самым заметным и обсуждаемым лицом во время утреннего доклада стал прислужник министерства обрядов Чэнь Юаньли.

В ходе аудиенции император всячески рассыпался в похвалах в его адрес, и эта исключительная благосклонность к Чэнь Юаньли была очевидна всему двору. После окончания аудиенции император даже оставил его во дворце для обсуждения важных дел, а по всей столице поползли слухи о праведных и смелых речах прислужника Чэня.

- Что, черт возьми, происходит с этим Чэнь Юаньли?! - вполголоса воскликнул один из чиновников.

- В юности он получил поддержку от секретаря Сюя, да и с делами министерства обрядов прежде справлялся вполне надежно, - ответил другой. - А теперь он внезапно действует по секретному указу императора и не проронил нам ни единого слова!

- Тише вы! - шикнул третий. - Сейчас самое важное - решить проблему с коррумпированными чиновниками! Семья Юнь намертво вцепилась в префектуру Шуньтянь и не желает её отпускать... Сколько же темных дел успел наворотить этот префект Шуньтянь!

Сторонники наследного принца спорили до хрипоты, пытаясь понять мотивы произошедшего. Хотя визитную карточку Чэнь Юаньли, отправленную в особняк Сюй, не отвергли, секретарь Сюй под предлогом крайне важных дел не стал с ним встречаться.

- Секретарь, касательно Чэнь Юаньли... - осторожно начал советник. - Из Восточного дворца прислали человека, чтобы узнать, как нам следует поступить в сложившейся ситуации.

Чэнь Юаньли, по сути, нанес удар по всем без разбора. На виду у всего двора он держался нейтрально, и даже большинство сторонников первого принца считали, что он занимает беспристрастную позицию. Но с семьей Сюй всё было иначе: когда ранее была подана жалоба на министра обрядов, именно семья Сюй подтолкнула его к действиям. Теперь же, когда всё это вышло наружу, присутствующие понимали: если Чэнь Юаньли смог подать жалобу на коррупционеров сейчас, то в будущем он с такой же легкостью сможет подать её и на семью Сюй.

Секретарь Сюй медленно закрыл глаза, полностью погрузившись в глубокие раздумья. Лишь спустя долгое время, когда в комнате воцарилась тяжелая тишина, он вновь открыл их и произнес:

- Приставьте людей следить за Чэнь Юаньли. И помните: делайте это предельно тайно.

Советник был настолько поражен этим приказом, что не сдержал возгласа:

- Секретарь!

Секретарь Сюй, не глядя на него, глухо произнес:

- Столь крупные и резонансные события накануне весенних экзаменов... - он на мгновение замолчал. - Боюсь, спокойствия нам теперь не видать.

Он сделал паузу, и в его голосе прозвучала холодная уверенность:

- Экзаменаторов весенних экзаменов ждет масштабная перестановка.

- На улицах сейчас только и говорят, что о вашем блестящем выступлении на собрании, Ваше Высочество! Повсюду шепчутся, что вы стали истинным, достойным примером для всех студентов Поднебесной!

Группа молодых повес из «золотой молодежи» устроила шумное и расточительное застолье в дорогом ресторане в компании шестого принца. После того как события в академии приняли такой оборот, этим юнцам казалось, что даже сама выпивка в этом заведении стала куда более престижной и изысканной только потому, что они разделяли трапезу с Ин Фушэном.

- Всё это было лишь частью замысла господина Чэня, я же не сказал ничего особенного, - с легкой, едва уловимой улыбкой ответил Ин Фушэн.

Один из присутствующих, дородный молодой человек, с жадностью добавил:

- О, это совсем другое дело! Ни наследный принц, ни первый принц не посмели высказаться так открыто, а вы, Ваше Высочество, решились на этот шаг! Мой отец давно был недоволен этим префектом Шуньтянь. В прошлый раз он просил его об одной небольшой услуге, но тот так ничего и не сделал, проигнорировав просьбу. А теперь, когда этот проходимец попал в беду, отец устроил дома настоящий пир, чтобы отпраздновать это знаменательное событие!

После того как собрание в императорской академии завершилось, весть об императорском указе молниеносно разнеслась по всем улицам и самым темным переулкам столицы. Из-за этого студентов, собравшихся на площадях, стало еще больше, и их обсуждения не утихали ни на минуту.

Ин Фушэн с легким равнодушием слушал, как эти молодые бездельники с упоением перечисляют, каких еще коррупционеров арестовали в последние часы. Его чайная чашка в руках слегка покачивалась, в гладкой поверхности которой отражалась суетливая и шумная

обстановка ресторана. В конце концов, сославшись на накопившуюся усталость, он поднялся и удалился в отдельный кабинет, чтобы немного отдохнуть от этого шума.

Как только он переступил порог комнаты, Ци Ханьчжоу, который до этого задумчиво прислонился к оконной раме, обернулся на звук открывающейся двери. Шум оживленной улицы за окном немного притих, когда генерал плотно закрыл створку. Не дожидаясь, пока собеседник заговорит первым, Ин Фушэн произнес:

- Молодой генерал, похоже, вы сегодня опечатали немало домов.

На улицах города повсюду только и говорили, что о беспощадной борьбе с коррупцией, и сотни столичных чиновников в одночасье потеряли и покой, и сон, ожидая своего часа.

А то, что эта зачистка шла с такой невероятной скоростью, объяснялось лишь одним - железной хваткой парчовой гвардии.

- Некоторые из них уже давно были на примете у парчовой гвардии, они лишь ждали подходящего момента для удара, - Ци Ханьчжоу поднял взгляд и слегка, ритмично постучал пальцами по деревянной оконной раме. - Ваше Высочество выбрали весьма удачное время. Весенние экзамены уже на носу, а некоторые господа за спиной императора плели немало гнусных интриг. Сегодня мы опечатали семь особняков; их финансовые счета оказались крайне нечистыми, и все материалы уже переданы на расследование в палату по пересмотру уголовных дел.

Ин Фушэн приподнял бровь, выражая легкое удивление. Действия Ци Ханьчжоу были поистине стремительными и выверенными. Чтобы так точно и безошибочно вычислить этих людей, Ци Ханьчжоу, должно быть, очень давно собирал на них компромат, выжидая идеального случая. Воспользовавшись текущей ситуацией, он передал всё императору. Вредители, с которыми раньше не удавалось справиться из-за их связей, теперь оказались на виду, и партийные группировки, в панике желая спастись от карающего огня, теперь сами с радостью бросят их под нож.

О тех, кто был в списке, Ин Фушэн поначалу думал, как бы их всех разом свалить, но теперь, благодаря эффективности Ци Ханьчжоу, он сэкономил немало сил и времени. Арест одного лишь префекта Шуньтянь повлек за собой цепную реакцию и наказание множества других чиновников - с такой пугающей эффективностью влияние клана Ци при императорском дворе становилось поистине колоссальным.

Ци Ханьчжоу внимательно, изучающе посмотрел на него. Ин Фушэн сегодня был одет в простое одеяние цвета лунного света, на манжетах которого была вышита едва заметная, изящная узорчатая облачность. Для члена императорской семьи такой наряд казался слишком скромным, почти аскетичным. Ин Фушэн подошел ближе, встал плечом к плечу с Ци Ханьчжоу и, проследив за его взглядом, посмотрел наружу, на город:

- Одни только земельные владения префекта Шуньтянь стоят, вероятно, столько же, сколько все налоговые сборы области? - он сделал паузу. - И как, по-вашему, будут распределены эти конфискованные деньги?

Его голос звучал легко и непринужденно, будто он спросил об этом совершенно невзначай, между прочим.

Ци Ханьчжоу бросил на него глубокий, многозначительный взгляд.

После долгих лет изнурительных войн для Великой Юань сейчас первостепенное значение имело восстановление сил и ресурсов. Конфискации и взыскания... народные богатства, выкачанные из простых людей, за долгие годы превратились в роскошные кирпичи и дорогую черепицу особняков коррупционеров. И если уж проводить такую зачистку, то речь шла о суммах, которые многократно превышали те, что обычно поступали в государственную казну законным путем.

Еще два года назад на границах империи было крайне неспокойно; продовольствие, которое отправляли туда для снабжения войск, бесследно исчезало по дороге. Жители приграничья страдали от голода, воины едва могли утолить базовые потребности, и в течение долгого времени их поддерживали лишь доброй волей и самоотверженностью простых людей. Если бы не эта поддержка народа, то в прошлом году, когда началось расследование дела о жалованье армии семьи Шэнь, император вряд ли стал бы поднимать такой шум, стремясь выкорчевать зло с корнем и во что бы то ни стало защитить честь семьи Шэнь.

Если бы в тот критический момент на Шэнь Чанцуня не было совершено покушение, то при тогдашнем раскладе сил при дворе дело о жалованье армии вряд ли удалось бы довести до логического завершения.

Ин Фушэн не услышал немедленного ответа и решил, что Ци Ханьчжоу просто неудобно или неловко обсуждать подобные финансовые вопросы.

Он уже собирался сменить тему разговора, как вдруг заметил, что юноша, всё еще стоявший у окна, слегка повернул голову и посмотрел на него своим пронзительным взглядом.

- Конфискованные деньги и земельные владения будут полностью переданы в государственную казну, - спокойно ответил Ци Ханьчжоу. - Две части пойдут на срочный ремонт дамб в Цзяннани, чтобы предотвратить грядущие наводнения, а остальное... двор отправит на границу, чтобы облегчить тяжелое положение там, - он на мгновение замолчал, а затем добавил: - В прошлом году, в самый разгар зимы, в северных землях выпали небывалые снегопады. Когда армия семьи Ци возвращалась на север, по всему пути им встречались лишь измученные беженцы. Ваш поступок, Ваше Высочество, спас тысячи жителей севера и значительно облегчил положение воинов на границе.

- Какое мне до этого дело? - Ин Фушэн продолжал смотреть на оживленную улицу, где вдалеке парчовая гвардия совместно с палатой по пересмотру уголовных дел проводили жесткие обыски, и мимо них с трудом проносили тяжелые сундуки с конфискованным добром. - За это нужно благодарить господина Чэня.

Ци Ханьчжоу при этих словах слегка приподнял бровь, в его взгляде промелькнуло сомнение.

Ин Фушэн лишь усмехнулся:

- Разве не господина Чэня?

Ци Ханьчжоу медленно отвел взгляд, и в его глазах теперь читался глубокий, скрытый смысл.

- Кстати, о Чэнь Юаньли. В тот день в чайном домике, когда мы находились в кабинете семьи Сюй, один из слуг вел себя крайне странно, - тон Ци Ханьчжоу внезапно изменился, став более серьезным. - Во время собрания, еще до того как прибыло министерство обороны, кто-то воспользовался общей суматохой и поспешно покинул чайный домик. Наша слежка показала, что этот человек скрылся в ведомстве министерства обрядов.

- Человек семьи Сюй? - Ин Фушэн на мгновение замер, обдумывая услышанное.

Ци Ханьчжоу покачал головой:

- Нет, среди слуг семьи Сюй такого человека не было.

Не из семьи Сюй, но при этом смог оказаться в непосредственной близости от их кабинета. Либо он был тесно связан со сторонниками наследного принца, либо это был

профессиональный шпион, внедренный в окружение семьи Сюй иными силами.

Чэнь Юаньли - человек из министерства обрядов. Тот, кто тайно ускользнул, не стал в нужный момент разбираться с бунтующими студентами и не оказал никакой помощи Чэнь Юаньли. Очевидно, он вовремя заметил, как парчовая гвардия блокирует чиновников из императорской академии, и решил вовремя спасти свою шкуру.

- Этот человек не остался? - спросил Ин Фушэн.

Ци Ханьчжоу ответил:

- Нет, ушел чисто, не оставив за собой никаких следов.

Если бы это был обычный человек, то в условиях таких масштабных событий он, скорее всего, выбрал бы выжидательную позицию. Но этот человек поступил иначе - он решил немедленно отправиться в ведомство министерства обрядов. Вместо того чтобы остаться на месте и следить за развитием событий, ему было куда важнее как можно скорее передать срочное донесение.

При этом парчовая гвардия почему-то не стала его трогать, что выглядело весьма подозрительно.

Заметив немой вопрос в глазах Ин Фушэна, Ци Ханьчжоу коротко и сухо пояснил:

- Оставили его в живых и на свободе, чтобы иметь свои глаза и уши в министерстве.

Он знал, что если постоянно наносить удары первым, стремясь уничтожить любую угрозу в зародыше, то рано или поздно можно оказаться в пассивном, уязвимом положении, лишившись сведений. Но если придержать козырь в рукаве, в самый решающий момент он может стать тем единственным ходом, который определит исход всей партии.

В этот момент из-за двери послышались приближающиеся шаги. Оба мгновенно насторожились и почти одновременно замолчали, затаив дыхание. Ци Ханьчжоу внимательно прислушался к звукам, и лишь когда шаги начали постепенно удаляться, он расслабился - должно быть, это был какой-то пьяница из ресторана, блуждающий по коридорам.

Как только генерал обернулся, он почувствовал на себе едва уловимый, изучающий взгляд. Ин

Фушэн смотрел куда-то в сторону его пояса, где в этот раз, в отличие от обычных дней, не было привычного длинного меча в простых, неприметных ножнах.

- Я полагал, что молодой генерал будет недоволен тем, что я столь открыто использовал парчовую гвардию, - произнес Ин Фушэн.

Он медленно опустил взгляд на широкие рукава Ци Ханьчжоу и тихо, почти шепотом, добавил:

- Но сегодня, встретившись с молодым генералом, я заметил, что вы пришли без меча.

Ци Ханьчжоу остался совершенно невозмутим, лишь едва заметно согнул пальцы, скрытые в складках рукава, словно сдерживая какой-то внутренний импульс.

Ин Фушэн мягко улыбнулся:

- Слишком много слов. Молодому генералу пора идти.

Внизу, в главном зале ресторана, по-прежнему царил невообразимое оживление. Молодые бездельники продолжали свое шумное пиршество, и даже толстые стены кабинета не могли полностью заглушить этот несмолкаемый гам и пьяные возгласы.

Они виделись редко. Их враг затаился в глубокой тени, в то время как они сами находились на виду, под пристальным вниманием всего двора. За те несколько встреч, что им довелось провести вместе, Ин Фушэн всегда держался предельно спокойно и сдержанно. Именно такой человек на собрании в императорской академии с легкостью водил за нос заносчивых гражданских чиновников, в один миг перевернул всю ситуацию с ног на голову и совершенно не боялся, что в таком людном, открытом месте на него могут совершить покушение. Тот, кто стоял за кулисами, фактически выставил его на всеобщее обозрение, и если бы любой другой на его месте думал лишь о том, как поскорее спрятаться и избежать внимания, то он поступил ровно наоборот, мастерски переключив всё внимание двора на Чэнь Юаньли.

С такими методами и таким холодным расчетом, чтобы расправиться с Чэнь Юаньли, ему вовсе не нужно было устраивать столь помпезное собрание в императорской академии. Но он выбрал именно этот путь - действовать на глазах у всех, в тот самый момент, когда студенты были полны праведного гнева, - чтобы максимально взбудоражить ситуацию и создать необходимый хаос.

Казалось, в его глазах...

Ци Ханьчжоу, не сказав больше ни слова, развернулся и молча ушел.

В кабинете вновь воцарилась гнетущая тишина. Легкая улыбка, застывшая на лице Ин Фушэна, постепенно угасла и исчезла. В горле внезапно запершило, и он не смог сдержать приступа сухого, надрывного кашля. Затем он плотнее запахнул свою верхнюю одежду, пытаясь защититься от внезапно пробившегося холода. Он хотел было подойти и закрыть окно, но вдруг заметил, что все окна в комнате уже были плотно закрыты Ци Ханьчжоу перед уходом.

Взгляд Ин Фушэна стал глубоким и задумчивым. Императорский меч... и правда, очень полезная вещь.

Он пробормотал это про себя, невольно вспоминая события своей прошлой жизни. В висках внезапно запульсировала тупая боль, а в самых костях, казалось, начал разливаться могильный холод.

Тот человек, который ушел передавать срочное донесение, не стал раскрывать свои карты семье Сюй, а направился напрямик в ведомство министерства обрядов – очевидно, он точно знал, к кому именно нужно обратиться. Этот Чэнь Юаньли втайне считался сторонником наследного принца, но на деле он вовсе не был заодно с семьей Сюй.

Раз всё обстоит именно так, значит, Чэнь Юаньли превратился в отыгранную, бесполезную фигуру на этой шахматной доске.